

УДК 821.161

*В.Ю. Даренская***ОЧЕРК «УРАЛЬСКИЙ КАЗАК» В.И. ДАЛЯ
КАК ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ**

Статья посвящена анализу очерка В. Даля «Уральский казак», жанр которого определяется как «художественно-этнографический». Дан анализ основных характеристик героя В.И. Даля, в частности, тех императивов русского народного этоса, которые имеют параллели и в других произведениях русской литературы, и в специальных этнографических исследованиях. Уникальность рассмотренного очерка В.И. Даля состоит, во-первых, в концентрированности изображения этих императивов, а во-вторых, в использовании приемов их самораскрытия – в виде фрагментов собственной речи и самого стиля мышления казака. В этом состоит классическое значение художественной этнографии В.И. Даля как органического синтеза «образованной» и народной культур.

Ключевые слова: В. Даль, уральский казак, художественная этнография, народный этос.

Как справедливо отметил С.А. Фомичев, «художественный потенциал В.И. Даля был гораздо выше пытливого и изощренного этнографизма, в котором Казаку Луганскому в ту пору действительно не было равных и который в реальном развитии русской литературы ее Золотого века приобретал принципиально важное значение» [9. С. 111]. Тем самым, так называемый этнографизм В.И. Даля не является самоцелью (хотя изучение народа в форме художественных очерков само по себе и имеет огромную ценность), но вместе с тем несет в себе и особый нравственный смысл.

Этот смысл состоит в том, чтобы на основе изучения народных типов обострить нравственную рефлексию «образованного общества», заставить его посмотреть на себя со стороны и понять, в чем современная цивилизация действительно несет прогресс, а в чем, возможно, и наоборот, она делает человека более примитивным, в первую очередь в нравственном отношении. Тем самым, «художественная этнография» В.И. Даля – это мощное средство духовно-нравственного и эстетического воздействия на читателя, всегда побуждающего его к саморефлексии и самосовершенствованию.

Среди художественно-этнографических произведений особое место занимает один из самых ранних художественно-этнографических очерков В.И. Даля – «Уральский казак» (1843). Он был напечатан в сборнике «Наши, списанные с натуры русскими». Само название этого сборника указывает на основную цель таких произведений – художественное познание русского народа. В.Г. Белинский отмечал, что этот мастерски написанный очерк «в “Наших” читается, как повесть, имеющая всё достоинство фактической достоверности, легко и приятно знакомящая русского читателя с одним из интереснейших явлений в современной жизни его отечества» [2. С. 79].

В.Г. Белинский с восторгом писал об удивительной способности В.И. Даля понимать личность человека из народа: «Боже мой! – как хорошо он знает его натуру! он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком» [2. С. 80]. Н.В. Гоголь писал в письме П.А. Плетневу: «каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни» (Цит. по: [10. С. 7]). Однако вскоре возникло и другое мнение. Так, Н.Г. Чернышевский в № 4 «Современника» за 1861 г. в разгромной рецензии на далевские «Картины из русского быта» писал: «По правде говоря, из его рассказов ни на волос не узнаешь ничего о русском народе, да и в самих-то рассказах не найдешь ни капли народности» [Цит. по: 10. сС. 7]. Столь противоположные мнения объясняются в первую очередь различными идеологическими установками авторов: в частности, Н.Г. Чернышевского явно не устраивал элемент *эстетического любования народным бытом и поиска его внутреннего «лада»*, которые присущи художественной этнографии В.И. Даля. (А уже в 1980-х гг. понятием «лад» новейший классик русской литературы В.И. Белов охватит уже самую сущность русской крестьянской культуры). Н.Г. Чернышевский же искал в произведениях о народе в первую очередь изображения такого невыносимого его состояния, которое требует немедленной кровавой революции.

Была и более конструктивная критика. В частности, А.Н. Пыпин в своей «Истории русской этнографии» (1890) утверждал, что В.И. Даль, исследуя народные типы, якобы «не умеет возвести их к общему началу» [8. С. 417-418]. Суть этой претензии скрывается в том, что А.Н. Пыпин понимает под «общем началом». По видимому, он хотел бы видеть у В.И. Даля некую четко сформулирован-

ную общую идеологическую установку во взгляде на народный характер и быт – наподобие тех, которые мы находим, например, в очерках «Власть земли» Г. Успенского, «Из деревни» А.Н. Энгельгардта или в письмах В.Г. Короленко, собранных в сборник «Земли! Земли!». Но такой общей идеологической установки, изначально исходящей из представления о «дикости» и «ненормальности» народного быта и характера, у В.И. Даля действительно нет. Однако это – не недостаток, а наоборот, его достоинство. Фактически, к «далевскому» взгляду на народ русская литература снова вернулась только во второй половине XX века в знаменитой «деревенской прозе». Тем самым, именно В.И. Даля и следует считать ее подлинным родоначальником еще в Золотом веке русской литературы.

При этом вдохновителем создания такой прозы был сам А.С. Пушкин. В.И. Прудоминский в своей известной биографии В.И. Даля отмечает: «Даль вспоминал Пушкина («Напишите о них роман!») – ему казалось, что уральский роман не сегодня-завтра заживет в его толстых, похожих на альбомы тетрадах» [7. С. 201]. Сам В.И. Даль писал об этом времени: «Я много заготовил запасов для повести или романа, который должен деяться и твориться в Уральском войске; жизнь и быт совсем отдельные, особые; обычаи и отношения мало известные, но замечательные и достойные любопытства» (Цит. по: [7. С. 201]). Новейшие исследователи его творчества акцентируют внимание на том, что именно благодаря В.И. Далю народная культура, в частности, культура и быт уральского казачества были *впервые включены в культурное сознание эпохи*. Как пишет об этом казахстанская исследовательница О.В. Опря, «Даль не просто зафиксировал богатейшую культуру казачества; то, что он использовал, он включил в общественное сознание – это стало культурной данностью» [6. С. 184].

Луганская исследовательница Н.Л. Юган в качестве общего вывода своего исследования духовно-нравственных аспектов этнографической прозы В.И. Даля отмечала, что писатель «огромное внимание обращает на духовный мир личности. При этом он верит в возрождающие душу православные начала народной жизни, а также в возможность воспитания Человека» [13. С. 70]. Этот справедливый вывод, тем не менее, пока еще остается рабочей гипотезой, требующей дальнейшей детальной разработки.

Целью настоящей статьи является анализ тех особенностей поэтики очерка В.И. Даля «Уральский казак», которые позволяет ему глубоко раскрыть внутренний смысл народного быта и логику народных характеров – во многом странную и парадоксальную и для современного человека, и для человека «образованного общества» уже той эпохи.

Главный герой очерка Маркиан Проклятов – по словам В.И. Даля, «гурьевский казак старинного закалу». Этот образ уже становился предметом анализа исследователей. В частности, Ю.П. Фесенко отмечал сложность этого образа, вследствие чего в Маркиане Проклятове можно усмотреть «множественность ликов и его противоречивость» [11. С. 113]. В свою очередь, по определению Л.Ш. Миграновой, «Маркиан Проклятов предстает перед читателями многогранной личностью, самобытной. Самобытность проявляется и в нравственных взглядах, и в поведении, и в его работе, и в стиле общения, и в его взаимоотношениях с окружающими, и в бытовых привычках, и в вере» [5. С. 28]. Выводы современных авторов об особой сложности народного характера и личности принципиально противоречат еще бытующим порой «интеллигентским представлениям» о неразвитости и даже примитивности «человека из народа». В таких представлениях явно присутствует откровенная подмена понятий: такие авторы ищут в народных характерах свою же собственную «сложность» городского «образованного человека» и, естественно, не находят ее. Но при этом они принципиально не видят собственной сложности народного характера, которая остается для них непонятной и поэтому невосприимчивой. Выдающийся русский философ Н.О. Лосский в труде «Характер русского народа» (1957) отмечал, что «близость крестьянина к природе и разнообразие труда вырабатывает многостороннюю личность и органическую цельность жизни» [4. С. 131]. Но это в полной мере было показано впервые именно в этнографической прозе В.И. Даля. Выделим основные элементы этой сложности характера.

1. *Труд как сфера полной свободы*. В.И. Даль пишет о своем герое: «С Проклятова пот льет градом только еще в ожидании будущих благ; а что же будет, как пойдет работа? Век на службе Проклятов, редкий год дома, а от урядничьего чина три раза отмаливался: хочет быть рядовым казаком. Урядник идет, куда пошлют, по очереди, наемки не берет ни гроша, а казак возьмет с миру почем придется, да и сам сыт и обут и домашние тож: потому-то он от уряду бегаёт» [3. С. 102].

Описанная ситуация только на первый взгляд проста, а на самом деле имеет особый смысловой подтекст. «На поверхности» может показаться, что казак только и думает лишь о выгоде: и для нее ожидает работы, и ради выгоды не хочет быть урядником. Однако, чуть лучше зная ситуацию, понимаешь иронию В.И. Даля, заключенную в этой характеристике. Ведь работа по ловле рыбы, которую

так страстно ожидает Проклятов – это работа поистине каторжная и героическая, причем ее успех никогда не гарантирован, можно легко остаться и ни с чем – ведь можно и не вовремя заболеть, а то и вообще утонуть в ледяной воде. Здесь риск, почти как на войне. Уряднику же не приходится так рисковать, а только нужно ходить, «куда пошлют», и с этого жить. Однако Проклятов вообще не понимает такой работы – по его понятиям, уряднику нельзя ничего брать, а поэтому и не с чего жить, хотя он ведь видит, что урядник живет богаче его. В чем же дело, почему так странно мыслит Проклятов? На самом деле все очень просто – Проклятову важнее *ощущение своей свободы, когда он зависит только от самого себя*, и потому «возьмет с миру почем придется». Современному человеку трудно понять, что казак отказывается от административной должности, на которой можно было бы жить за счет легких доходов и забыть о каторжном труде с риском для жизни – именно *ради свободы пусть и тяжелой, но вольной жизни*.

Один из первых точных описателей народного быта А.Н. Энгельгардт, профессор химии Петербургского университета, сосланный в свое имение за общественную деятельность, и вынужденно ставший помещиком, так писал о мужике: «бросив землю, он как будто теряет все, делается лакеем!» Далее автор продолжает: «в таких... обчиновничившихся мужиках, которых зовут «человек», вы уже не увидите того сознания собственного достоинства, какое видите в мужике-хозяине, земледельце. Посмотрите на настоящего мужика-земледельца. Какое открытое, честное, полное сознания собственного достоинства лицо! Сравните его с мерсикающим ножкой лакеем! Мужик, если он «ни царю, ни пану не виноват», ничего не боится. Мужик, будь он даже беден, но если только держится земли – удивительная в ней, матушке-кормилице, сила, – совершенно презирает и попавшего на линию и разбогатевшего на службе у барина» [12. С. 378]. Но то, что А.Н. Энгельгардт здесь сформулировал уже в виде общего вывода из своих многолетних наблюдений, В.И. Даль показал ярко и наглядно на примере конкретного человека – причем показал в такой сознательно иронической форме, явно предполагающей и непонятливость «образованного читателя», который, подобно Н.Г. Чернышевскому, свято уверен, что народ живет в невыносимом «рабстве» и только и ждет своих «освободителей»-революционеров.

2. *Ритуализированное разделение сфер жизни*. В.И. Даль пишет: «Дома Проклятов не певал отроду песни, не сказывал сказки, не пел, не плясал, не скоморошничал никогда; о трубке и говорить нечего: он дома ненавидел ее пуце водяного сверчка, да и не бывало ее таки в заводе ни у кого в целом войске. Сказывали, что есть чиновники войсковые, которые, в похвальбу перед сторонним начальством, носили тайком от своих в руке табакерочку; да это, может статься, и напраслина, как ее много бывает на свете. На походе – Проклятов первый песенник, хоть и гнусит немного, на старинный церковный лад; первый плясун, и балалайка явится на третьем переходе, словно из земли вырастет, – и явится трубка и табак; а родительницы дома на досуге отмаливают и замаливают» [3. С. 103].

Такое четкое разделение сфер жизни, при котором то, что можно в одной сфере, запрещено в другой, является ярким проявлением внутренней смысловой сложности народной культуры, ее полиморфизма и разнообразия, указывающих и на такую же сложность личности ее носителей. Тот факт, что человек проявляет столь разные потребности и способности, но при этом и очень жесткую самодисциплину, жестко разделяя сферы уместного и неуместного, уже само по себе говорит о весьма высоком уровне развития личности, отличающем этого казака в лучшую сторону от большинства представителей «образованного сословия» того времени, к такому жесткому самоконтролю явно не способных (поэтому В.И. Даль и это акцентирует).

Кроме того, в рамках такого жесткого разделения жизненных сфер В.И. Даль объясняет и неграмотность казаков: «Грамоте Проклятов не выучился за недосугом: век на службе и в работе. Ему грамота и не нужна; это дело родительниц, которые должны замаливать вольные и невольные грехи мужей, отцов, сыновей и братьев. Родительницы сидят себе дома, им делать нечего, как сохранять и соблюдать все обычаи исконные и заботиться, по своим понятиям, о благе духовном. Пусть же отмаливают за казаков, на которых лежат заботы о благе насущном, промыслы и служба» [3. С. 111]. Для казака незнание грамоты вовсе не является признаком его «неразвитости». Казак по-своему очень развит и без всякой грамоты, уметь читать ему нет никакой надобности – и это умение он передоверяет своей женской половине как имеющей для этого занятия больше и досуга, и склонностей. Очевидно, именно исходя из такого глубокого знания народной жизни, В.И. Даль впоследствии писал свои «скандальные» статьи по этому вопросу, с полным основанием утверждая, что обучение грамоте крестьян не обязательно является благом, но может даже принести вред развращения народа, если не будет связано с одновременным христианским просвещением последнего и расширением его деятельности.

3. *Рациональная картина мира.* В.И. Даль рассказывает о Проклятове: «Спросите у него, когда он, прищутив левый глаз, ровно прицеливается, следит низкую стаю лебедей: «Неужто-де птица летит своим разумом в указанный ею перелет?». И он вам, не призадумавшись, ответит: «У зверя не разум, а побудка; птица в перелет идет побудкой». Итак, побуждение природы, которое мы, не зная по-русски, взяли из словаря иностранного и назвали инстинктом, слово, впрочем, очень приятное, – Маркиан Проклятов, не зная ни по-французски, ни по-немецки, называет побудкой. Ему это простительно» [3. С. 105]. Замечание В.И. Даля «Ему это простительно» здесь, безусловно, также является ироническим. Автор тем самым намекает на высокое естественное развитие ума и рационального мышления у простого казака, точно объясняющего поведение птиц без всего знания науки – тем самым, намекая читателю, что такому развитию можно и позавидовать.

4. *Личный мистический опыт.* С другой стороны, одновременно с высоким развитием рационального мышления казак имеет и свой собственный мистический опыт, опыт встречи с потусторонними явлениями, которые в «образованном обществе» того времени уже привыкли считать «сказками» и плодом народного «невежества». В.И. Даль подробно и с полной серьезностью пересказывает тот сверхъестественный случай, о котором поведал ему сам казак: «Одно из замечательнейших происшествий в жизни Проклятова было с ним по поводу охоты за кабаном, а именно: встреча глаз на глаз с шутовкою, или русалкою. Маркиан, вопреки закону, отправился однажды накануне какого-то праздника, в светлую лунную ночь, на ночевье и, отъехав к устью через Золотницкий проран на бударке своей верст пятнадцать от Гурьева, залег в мертвой глуши и тиши близ проломанной кабаном тропы. Вскоре послышался отдаленный шелест, потом камыш затрещал. «Ломится зверь», – подумал Проклятов и взвел курок винтовки. Но зверь не показывается, а треск камыша, приближаясь постепенно со всех сторон, вдруг до того усилился, что у Маркиана на голове волос поднялся дыбом; не видать ничего, а камыш трещит; валится и ломится кругом, будто огромный табун мчится по нем напролет. Проклятов привстал, отступил несколько шагов к убежищу своему, к бударке, а на возвышенном бугре стоит перед ним шутовка, нагая, с распущенными волосами. «Сколько припомню, – говорит старик, – она была моложавая и одной рукой как будто манила к себе». Сотворив крест и молитву, Маркиан стал отступать от нее задом, добрался до бударки, присел на колена и, ухватив весло, ударился, сколько сил было, домой» [3. С. 106].

Как видим, сам Проклятов рассказывает об этом сверхъестественном происшествии как о чем-то вполне нормальном, что и с другими, видимо, тоже нередко случается. Характерно при этом, что казак очень четко понимает, что встретился с нечистью, с которой шутить нельзя. И он не отвечает на ее заманивание (как это, по другим рассказам, часто случалось с другими людьми – характерные истории можно вспомнить в произведениях Н.В. Гоголя и Т. Шевченко), но очень четко обороняется от нечисти как христианин – «сотворив крест и молитву», и храбро отступает задом, чтобы не потерять русалку из виду, потому что тогда она может его «защекотать». Поэтому говорить о каком-то о «языческом отношении к природе» или о «двоеверии» в русской народной традиции неуместно и научно некорректно. Тысячелетняя история существования православного христианства создала новое мировоззрение людей, которые знают, как спастись от нечисти.

5. *Безбоязненное отношение к смерти как следствие христианского мировоззрения.* В.И. Даль повествует о явно парадоксальном, на его взгляд, поведении казака, показывающем его отношение к смерти: «Проклятова знали все как человека добродушного, который, несмотря на бедность свою, помогал многим, кто бывал в нужде или еще беднее его. Он жалел убить старого пса, который жил у него годов десять и под старость сделался калекой. «Пусть живет нахлебником, – говаривал старик, – не обидит нас, не объест». Но когда ему случилось сходить в зимний степной поиск, на Бузачи, то он, отбивши там пару навьюченных верблюдов и заметив, что во выюках что-то жалобно пищало, не призадумавшись, выкинул двух голых ребятишек на снег и спокойно, без оглядки отправился своим путем. «Ничего, ваше благородие, – отвечал он после офицеру, который хотел было для порядку побранить его, – ничего: уснули. Мамок, что ли, с собою возить для этих щенят, – про себя сказал он, рассмеявшись. – Еще у меня и свои-то, может статья, сидят дома не евши; ныне хлеб рубль семь гривен за пуд» [3. С. 107].

С точки зрения человека «образованного сословия» здесь присутствует сочетание несочетаемого: с одной стороны, Проклятов демонстрирует редкое сострадание к старому псу, а с другой – полное равнодушие к младенцам, оставляемым им замерзать в степи, что вызвало возмущение офицера. Но на самом деле, противоречие здесь только внешнее, а в реальности казак проявляет одно и то же *трезвое отношение к смерти как неизбежности*. И если в первом случае он дает волю своему состраданию к

псу, зная, что тот все равно скоро умрет, поэтому имеет смысл проявить жалость, то во втором трезво решает не мучаться с младенцами и зря не мучить их, потому что они скорее всего все рано замерзнут – так лучше пусть сразу быстро уснут, чем еще долго мучаются в походе и замерзают постепенно. Точно так же в народе безжалостно топят всех котят, кроме одного, а потом оставшегося любят, как родного – и в этом нет никакого противоречия. Такое поведение является проявлением как раз сложности человеческой личности, которая может проявлять весь диапазон чувств: от суровости в безвыходном положении – до глубокого сострадания в тех случаях, где действительно можно помочь.

6. *Военный прагматизм.* Хотя в храбрости и в презрении к смерти Проклятова сомневаться явно не приходится, но В.И. Даль повествует о его крайней осторожности и расчетливости на войне: «В открытую конную атаку он не хаживал: «Не случилось, говорит, да нашему брату ломовая атака и несподручна»; криком и гиком брал, врасплох брал, и с тылу, и в засаде; а подметив, где жидко, где проскочить и прорваться можно, – не жалея коня, гнал и бил неприятеля донельзя и не щадил никого» [3. С. 107]. По сути дела, Проклятов, переняв опыт многих поколений своих предков, относится к войне просто как к разновидности работы, где нужно действовать с умом, максимально экономя силы и навряд ли. Никой показной «храбрости» у него нет и следа – он действует максимально осторожно, стараясь использовать не столько свою силу, сколько слабость противника. А если это удалось, то он уже не знает никакой жалости и относится к противнику просто как охотник к жертве. Здесь проявляется трезвое отношение к смерти как к неизбежности, потому что сентиментальность представляется неуместной.

7. *Огромная жизненная смекалка и бесстрашие.* Трезвое бесстрашие делает Проклятова, как и всех других казаков его типа, очень смекалистым, умеющим выживать в самых невыносимых ситуациях. Он может даже перемещаться «на санях по воде, по волнам: так по крайней мере поправился недавно, на нашей памяти, товарищ Проклятова, казак Дервянов, которого таскало несколько недель в отношении. Когда лошадь в крайнем положении этом была уже съедена, то Дервянов, как человек догадливый и запасливый, снявши с нее шкуру, бурдюком или дудкой, то есть целиком, завязал ее на взрезках, подвел под сани, надул, привязал, из оглобель сделал весла, из кафтана – парус... и добился на корабле этом благополучно до встречной рыбопромышленной посуды, вышедшей из Астрахани» [3. С. 109].

8. *Аскетизм как нормальное жизненное состояние.* Эта внутренняя собранность и постоянное пребывание в жизненных испытаниях формируют такой характер человека и такую внутреннюю психологическую доминанту, при которой у человека естественным образом исчезает всякая склонность к сибаритству и удовольствиям. Это проявляется во всем, в том числе, и в еде: «сам Проклятов по целым годам и не отвеживал ни осетра, ни белуги, ни шипа, ни севрюги; товар этот дорог, «не по рылу», как выражался старик... Дома варила хозяйка Проклятова по временам, когда лов разрешался, черную рыбу, а не то баранов резали, ели каймак, а как посты все соблюдались во всей строгости, так и приходилось в году месяцев шесть хлебать постную кашу да пустые щи» [3. С. 109]. Важно понимать, что такой характер отнюдь не является «несчастливым результатом бедности», как чаще всего подумает современный человек, но как раз наоборот – это результат сильного развития личности, которая не нуждается ни в каких особых удовольствиях и легко довольствуется малым. Поэтому пост, предписываемый Православной Церковью, для такого человека становится совершенно естественным его состоянием, без которого он уже сам не может прожить.

9. *Святость обычая как принцип праведности жизни.* Тип народной религиозности, к которому принадлежит казак, основан на очень строгом следовании обычаям. Для человека «образованного общества» эти обычаи могут казаться странными предрассудками, однако это означает лишь, что он не понял их жизненного смысла. Смысл их состоит не в конкретном содержании того или иного обычая, а в том, что само это строгое следование обычаям имеет характер *подвига, вырабатывающего сильный характер и формирующего нравственность*. Поэтому «Проклятов, как человек бывалый и обтертый, хоть и не решился бы есть из одной посуды с киргизом или калмыком, «с собачьей верой», но нашего брата не совсем чуждался, а признавал человеком, таки разве мало чем хуже себя. Поэтому он готов был есть с нами из одной чашки, пить из одного ковша и не брезгал бы этим не только в походе, где все разрешается, но даже и дома; но хозяйка его была на этот счет других мыслей и старинных правил: за хлеб-соль она ни с кого и ни за что не взяла бы платы, потому что это смертный грех; но посуды своей она «скобленому рылу» не подала бы также ни за что, а полагала, что собаку, собачьей веры татарина и нашего брата – бритоусца можно кормить из одной общей посуды» [3. С. 110]. Здесь важно понимать, что при всей внешней странности такого обычая для посторонних, он выполняет важнейшую *нравственную функцию исповедания правильной веры*.

Соответственно, эти обычаи причудливо пронизывают весь быт, делая его пестрым и ярким в своих проявлениях: «На Урале ходил он постоянно в хивинском стеганом полосатом халате и подпоясывался киргизской калтой – кожаным ремнем с карманом и с ножом... Сверх рубахи он всегда опоясывался плетеным узеньким поясом – обстоятельство в глазах его большой важности, потому что в рубахе без опояски ходят одни татары. И ребятишек маленьких хозяйка Проклятова тщательно всегда подпоясывала и била их больно, если который из них распоясывался или терял поясок: по опояске этой и на том свете отличают ребят от некрещеных татарчат, и когда, в прогулке по вертоградом небесным, разрешается им собирать виноградные грозды, то у них есть куда их складывать, – за пазуху; татарчатам же, напротив, винограду собирать некуда» [3. С. 113]. Как видим, хотя сам Проклятов ходит в «бусурманском» халате, но во всем остальном граница сакрального и нечистого блюдетса им очень строго. Тем самым, формируется и сам быт как своего рода сакральный микрокосм жизни, задающий ей абсолютные смысловые ориентиры должного и недолжного. И тогда связь между особенностями детской одежды и будущей жизнью в раю уже отнюдь не кажется такой странной, но абсолютно логичной и естественной.

Важно понимать, что ритуализированность быта здесь не имеет ничего общего с так называемым «обрядоверием» – как раз наоборот, в бытовых ритуалах вера становится абсолютно жизненной и конкретной, наполняет собой каждое практическое действие человека. Именно поэтому, как повествует В.И. Даль, «Проклятов дома, на Урале, никогда не божился, а говорил «ей-ей» и «ни-ни»; никогда не говорил «спасибо», а «спаси тя Христос»; входя в избу, останавливался на пороге и говорил: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас!» – и выжидал ответного: «Аминь». В часовню ходил он не иначе как в халате нараспашку и с пояском поверх рубахи. Но, принимая кровное участие в родном и общем деле, он дал обет помолиться усердно в православной церкви, если утвердят наконец окончательно за войском сенокосы на левом берегу Урала» [3. С. 113]. Не стоит понимать этот обет как своего рода «торг» с Богом – такое понимание (а точнее, как раз непонимание сути дела) – иногда встречается у некоторых авторов. Это не «торг», а наоборот, знак верности Богу, постоянной памяти о том, что все блага этой жизни человек получает от Него.

10. *Жизнь как бессмертие.* Концовка очерка является очень удачной художественной находкой В.И. Даля, она придает наглядное смысловое завершения образу казака: «Полк пробыл два года в Турции, тут еще позадержали в Польше с лишним год, наконец спустили; пошли домой на Урал. Выбыло из полка, однако же, человек полтора. Большой был праздник в Уральске, когда вступил туда с песнями 4-й полк. Родительницы выехали навстречу из всех низовых станиц» [3. С. 115]. И вот его жена, «стоит старуха в синем кумачном сарафане... прошел и последний взвод последней сотни, а все казаки говорят ей, кивнув головою назад: «Сзади, матушка, сзади». Когда прошел и обоз и все отвечали «Сзади», то Харитина догадалась и поняла, в чем дело, – ударила об землю и завопила страшным голосом. Казаки увели ее домой, а Маркиана своего она уже более не видала» [3. С. 115-116]. Такое неожиданное сочетание обыденности и праздничности в повествовании о смерти очень точно передает народное восприятие жизни и смерти. Пронзительный художественный символ – казаки показывают старухе-жене казака, что он якобы жив и едет сзади: так, словно бы он навеки остался в их рядах, навсегда влился в свой бессмертный народ.

Стоит упомянуть, что этот поход, из которого не вернулся Проклятов – война с Турцией 1828–1829 гг., а затем подавление восстания польской шляхты в 1830–1831 гг. (в этих же войнах участвовал и сам В.И. Даль) – остались надолго в памяти казаков. Так, у донских казаков есть песня, исполняемая и в наше время (она прозвучала на «Казачьем радио» ЛНР в 2016 г.), начинающаяся словами:

Как шли, шли казаки
С турецкого фронта,
С турецкого фронта домой.

Как только преступили
Мы польскую границу,
Ударил поляк три раза.

Ударил, ударил,
Он в грудь меня поранил,
Болять мои раны, болять...

Эта печальная песня о смерти поется казаками сильными и веселыми голосами – словно утверждая народное бессмертие. Такой же смысл имеет и концовка очерка В.И. Даля, оказываясь конгениальной самому народному духу. Как писал М.М. Бахтин, в народной культуре «весь мир показан как чреватая и рождающая смерть» [1. С. 390], – или как дрящущее коллективное народное бессмертие, в лоне которого протекает индивидуальная жизнь каждого человека, получая от него свою бесконечную смысловую глубину.

Выделенные курсивом в ходе нашего краткого анализа основные характеристики героя В.И. Даля можно рассматривать как те императивы русского народного этоса, которые находят свое ясное подтверждение и бесчисленные параллели в других произведениях русской литературы и в специальных этнографических исследованиях. Уникальность рассмотренного очерка В.И. Даля состоит, во-первых, в концентрированности изображения этих императивов, а во-вторых, в использовании приемов их самораскрытия – в виде фрагментов собственной речи и самого стиля мышления казака. В этом состоит классическое значение художественной этнографии В.И. Даля как органического синтеза «образованной» и народной культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. Т. X. М., 1956. 456 с.
3. Даль В.И. Уральский казак // Даль В.И. Избранные произведения. М., 1983. С. 101-116.
4. Лосский Н. О. Характер русского народа. М., 2005. 336 с.
5. Мигранова Л.Ш. Фразеологизмы как средство отражения картины мира уральского казака (на материале очерка В.И. Даля «Уральский казак») // *Lingua mobilis*. 2014, № 1 (47). С. 20-31.
6. Опря О.В. Отражение жизни уральского казачества в произведениях В.И. Даля // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016, № 2/2. С. 182-186.
7. Прудоминский В.И. Даль. М., 1971. 384 с.
8. Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890. 586 с.
9. Фомичев С.А. «Далевский пяток на выбор» // Шестые Международные Далевские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В.И. Даля. – Луганск, 2001. С. 111-125.
10. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. Луганск; Санкт-Петербург, 1999. 262 с.
11. Фесенко Ю.П. Пушкинские традиции в «Уральском казаке» В.И. Даля // *Русская речь*. 1997. № 2. С. 107-115.
12. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем. М., 1987. 636 с.
13. Юган Н.Л. В.И. Даль известный и неизвестный в призме современного литературоведения // Даль В.И. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. Луганск, 2014. С. 5-70.

Поступила в редакцию 16.05.17

V.N. Darenskaya

V. DAHL'S SKETCH "URALSKIY KAZAK" AS EXPERIENCE OF ARTISTIC ETHNOLOGY

The article is devoted to the analysis of V. Dal's sketch "Uralskiy kazak", the genre of which is defined as art and ethnological. The author presents the analysis of main characteristics of Dal's hero, particularly the analysis of those imperatives of the Russian folk ethnos that have parallels in other works of the Russian literature and in special ethnographic studies. The uniqueness of the considered sketch by V.I. Dal is, first, in the focus of the imperatives' depiction, and second, in the application of methods of their self-revealing as fragments of kazaks' speech and their way of thinking. The classical meaning of Dal's artistic ethnography as the organic synthesis of the folk culture and the "generated" culture lies in this very fact.

Keywords: V. Dal', "Uralskiy kazak", artistic ethnology, folk's culture ethos.

Даренская Вера Николаевна,
кандидат философских наук, доцент

Луганский государственный университет им. В. Даля
91034, г. Луганск, кв. Молодёжный, 20а
E-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Darenskaya V.N.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor

Lugansk State University named after V. Dahl'
kv. Molodeznyi, 20-a, Lugansk, 91034
E-mail: vera_darenskaya@mail.ru